АНДРЕЙ КАРПОВ

Пространство культуры

Андрей Карпов

Пространство культуры

«Издательские решения»

Карпов А.

Пространство культуры / А. Карпов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905202-5

Что такое культура? Какое культурное пространство нас окружает? Какую культуру нам ждать завтра?Книга включает работы «Пространство культуры», «Игры с реальностью», «Что такое постмодернизм», «Антиномии постмодернизма».

ISBN 978-5-44-905202-5

© Карпов А.
© Издательские решения

Содержание

Пространство культуры 6
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Пространство культуры

Андрей Карпов

© Андрей Карпов, 2018

ISBN 978-5-4490-5202-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пространство культуры

Проще всего обнаружить физическую реальность нашего существования. У каждого из нас есть тело. Оно занимает место в пространстве. Иногда этого места оказывается не достаточно, и тогда мы сталкиваемся с другими телами. Нервная система постоянно информирует нас о состоянии нашего тела. Изощрённый философский ум иногда пытается спорить с этой реальностью, но для большинства людей физическое существование является очевидным и фундаментальнейшим фактом.

Есть и другой мир, в котором мы также очевидно существуем. Это – наш внутренний мир. Не было бы этого мира, не возникало бы и самого понятия существования. Если мы осмысливаем собственное бытие, значит, мы на это способны. Философ и математик Рене Декарт сформулировал это как cogito ergo sum —«мыслю, следовательно, существую». Моё существование определяется тем, что я воспринимаю себя в качестве субъекта мышления: мои мысли – это то, что думаю именно я, мои переживания – это то, что я переживаю. Я осознаю себя в качестве некой уникальной точки, и это делает меня самим собой.

Если физический мир объединяет всех, то внутренний мир – индивидуален. «Чужая душа – потёмки», говорит пословица. Один из самых глубоких русских поэтов, Ф. И. Тютчев с болью написал:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими – и молчи.
Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью – и молчи!..

Подобная предоставленность человека самому себе, оторванность от других иногда, конечно, может быть благом, но гораздо чаще воспринимается как трагедия. На людское непонимание обречен каждый.. Рано или поздно мы с удивлением обнаруживаем, что расходимся в каких-то элементарных вещах даже с самыми близкими людьми. И тогда нас посещает ощущение одиночества. Мы осознаём, что человек сущностно одинок. За всей нашей социальной жизнью скрывается грустный факт: каждый из нас противостоит мирозданию один на один. Мы не можем рассчитывать, что в миг, когда мы особо остро будем переживать предстояние перед лицом Вселенной, рядом с нами окажется кто-либо из людей. Философы назвали это метафизическим одиночеством.

Здесь проходит водораздел между атеистическим и религиозным сознанием. Атеистическое сознание принимает метафизическое одиночество как окончательную реальность. В этом случае внутренний мир человека так и остаётся замкнутым виртуальным пространством, возникшим в силу непонятных преломлений физических, материальных процессов. Для религиозного сознания внутренний мир одного человека закрыт от других людей, но это не значит, что он закрыт вообще. Наша душа распахнута навстречу духовному миру.

Подобно тому, как в физическом мире наше тело, сохраняя собственную индивидуальность, взаимодействует с другими телами, в духовном мире возможно духовное взаимодействие. И самое главное, что открывает здесь для себя человек, – это возможность непосредственного общения с Богом. Бог – сердцеведец. С какою радостью мы повторяем за преп. Симоном Новым Богословом слова молитвы: «*Веси зол множество, веси и струпы моя, и язвы зриши моя, но и веру веси, и произволение зриши, и воздыхание слышиши. Не таится Тебе, Боже мой, Творче мой, Избавителю мой, ниже капля слезная, ниже капли часть некая. Несоделанное мое видесте очи Твои, в книзе же Твоей и еще несодеянная написана Тебе суть*». Человек, обретший Бога, более не одинок. Метафизическое одиночество несостоятельно, ибо есть Тот, кто всегда может быть с нами, и только от нас зависит принимаем мы Его в свой внутренний мир или же нет.

Для религиозного сознания очевидно также, что если человек отвергает своё со-бытие с Богом, окно в духовный мир всё равно остаётся открытым. Душа не превращается в изолированную капсулу, духовное взаимодействие продолжается. Но поскольку сознание не в этом не участвует, складываются благоприятные условия для проникновения злых духов, предпочитающих действовать скрытым образом, манипулируя нами исподтишка.

Итак, человек пребывает сразу в двух мирах: мире физическом (мире материальных объектов) и в мире духовном. Но существует ещё и третий мир, о котором мы обычно забываем; а, между прочим, мы в нём находимся с той же неизбежностью, что и в двух остальных, – это мир культуры.

Культура – это чисто человеческое явление, её возникновение обусловлено двойственной (телесно-духовной) организацией человека. Наша социальная жизнь протекает в физическом мире: мы перемещаемся, воздействуем на неживую и живую природу, взаимодействуем друг с другом, пользуясь физическими явлениями (светом, звуком, прикосновением). При этом наше сознание, включающее наше представление о происходящем с нами и о нас самих, принадлежит к миру духовному, – к той его части, которую образует наш внутренний мир, куда другим людям доступа нет. Возникает разрыв между необходимостью совместной деятельности и нашей духовной обособленностью. Этот разрыв преодолевается с помощью культуры.

Как это происходит? Человек свои понятия, представления, образы, которые присущи только ему, выражает с помощью предметов физического мира (или их свойств). Он также реализует свои знания, изменяя физический мир. Другие люди видят эти изменения. Они начинают их учитывать, подражать, понимать их, расшифровывать. Извлекать из физического мира и помещать уже в свой внутренний, духовный мир.

Физический мир выступает в роли опосредующей среды, через которую смыслы курсируют от одного человека к другому. Но сами эти смыслы к физическому миру не принадлежат. С физической точки зрения то, что нашел археолог, просто кусочек камня. Но археолог видит в камне другое – один край сколот определённым образом – и делает вывод: это каменный скребок. Происходит узнавание. Свойство камня быть скребком – это не физическое, это культурное свойство. Культура – это надстройка над физической реальностью, связанная с деятельностью человека, результат прикосновения смысла к природной среде.

Создание вещи – самый простой пример культурного воздействия на физический мир. Любая вещь – это комплекс определённых знаний. Примитивный каменный топор, извлеченный из археологического раскопа, на самом деле заключает в себе уже довольно большой объём знаний: о прочности различных материалов; о том, что рычаг (длина рукояти) даёт выигрыш в силе; о давлении (острая поверхность создаёт большее давление). Человек, смастеривший топор, не читал инструкций, не пользовался учебником физики, но он был частью своей культуры, в которой эти знания существовали в имманентном, неявном виде. В простейших культурах умение сделать вещь не отделялось от умения пользоваться вещью. То, чем ты пользуешься, ты должен уметь сделать сам. Накопление знаний влекло за собой специализацию:

невозможно знать всё. В какой-то момент совокупное знание общины оказывается больше, чем знания отдельного человека. И как только это становится очевидным, осознаётся и ценность знаний. С этого момента общество начинает заботиться о накоплении и передачи знания. С возникновением письменности этот процесс становится более эффективным. Культура становится более сложной.

Знания – это удобное слово для обозначения содержания культуры. Но обычно, когда мы говорим о содержании культуры, называются и другие её элементы – обычаи, верования, образцы поведения, моральные нормы, эстетические взгляды, идеалы и ценности. В каком-то смысле всё это охватывается понятием «знания», но более точное обобщающее понятие – «смыслы». Таким образом, мы можем дать одно из возможных определений культуры: культура – это внешнее семантическое пространство (пространство смыслов). Внешнее – потому что внутренне семантическое пространство является частью нашего духовного мира.

Пространство культуры – это такая же объективная реальность, как и физический мир. Это обусловлено тем, что элементы культуры отображаются с помощью свойств физического мира. В то же время смыслы должны быть восприняты и усвоены, а это происходит у каждого человека по-разному. Способность усваивать и воспроизводить смыслы можно назвать личной культурой. Иными словами, личная культура – это то, каким образом мы реализуем наш внутренний мир во внешнем мире. Какая-то личная культура есть у каждого человека. Она складывается по мере формирования личности, большое значение при этом имеют воспитание и образование.

Есть такой термин – конгруэнтность. Он обозначает соразмерность или соответствие друг другу (адекватность) раздельных сущностей. Его можно применить и к нашей теме. Если наша личная культура конгруэнтна внешней культурной среде, то мы воспринимаем культуру, в которой мы находимся, как свою. Если конгруэнтность отсутствует, культурная среда воспринимается как чужая культура. Степень чуждости может быть столь велика, что мы оказываемся просто не в состоянии воспринять смыслы чужой культуры – мы можем их не заметить или, заметив, не суметь расшифровать.

Если человек ощущает неконгруэнтность своей личной культуры внешней культурной среде, он испытывает серьёзный психологический дискомфорт. Он находится в чужом мире, в котором ему просто нет места. Похожее ощущение возникает и при столкновении человека с девственным в культурном отношении миром (природная среда, в которой не ощущаются следы пребывания человека). Такой мир нуждается в окультуривании.

Окультуривание – это процесс культурного освоения мира, наделения его привычными и близкими нам смыслами. Один из способов окультуривания – хозяйственная деятельность человека. Если полистать стихи русских поэтов о родной земле, обязательно найдётся что-нибудь вроде: «Прекрасны вы, поля земли родной» (М. Ю. Лермонтов), «Гляжу в простор твоих полей» (С. А. Есенин), «Я возвращусь к вам, поля моих отцов» (Е. А. Баратынский). Поля, хлеба, дороги, деревни и другие признаки присутствия человека в пейзаже помогают признать его своим, делают мир ближе и понятней. Но окультуривание начинается не с этого.

Первый шаг культурного освоения пространства – это именование, наречение имени всему, что окружает человека на новом месте. Турист или путешественник, перемещающийся по лику Земли, может наслаждаться красотою разливов и перекатов безымянных рек. Эта его снисходительность к безымянности только подчеркивает, что он – пришелец в этих краях, сегодня – он здесь, а завтра будет уже далече. Но если человек пускает в каком-то месте корни, он больше не может мириться с отсутствием имен. В поименованном мире жить гораздо уютней, да и ориентироваться проще. Человек смотрит на речку – видит, как поток бежит по камням и, уподобляясь Адаму, нарекает её, к примеру, Каменкой. Достаточно взять в руки географический атлас, чтобы увидеть, как типично подобное движение мысли.

Довольно часто географические имена достаются новым поселенцам от прежних обитателей этих мест. Народ, некогда живший на берегу реки исчез, а название осталось. В этом случае, название, что-то значившее на чужом языке, переосмысливается заново. В него вкладывается новым смысл, – например, по схожести звучания с каким-либо понятным словом (есть версия, что река Колоча, протекающая по Бородинскому полю, это изменённое мордовское «колыця», в переводе «колдун»; в чужом «колыця» русское ухо услышало производное от «колотить», и мир становится ближе).

Ещё один путь культурного освоения географического пространства – мифологический. Для того чтобы чужое и потому таящее опасность, стало своим и понятным, про него надо рассказать историю. В былине про богатыря Дуная Ивановича рассказывается, что начало реке Дунай положила кровь, вытекшая из пронзенного тела богатыря. Вряд ли слушатели былины всерьёз верили, что вода в Дунае – это богатырская кровь. Но эта история позволила включить Дунай в культурное пространство русского народа.

Однако окончательное культурное обретение мира достигается не именем и не мифом; не жизнью на этой земле, а смертью. Что есть Отечество, то есть земля отцов? – Это место их земного упокоения. Пушкин подметил удивительно точно:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам

Человеческий прах, возращенный земле, делает эту землю причастной человеческой жизни. В каком-то смысле горизонт русской культуры задавали поклонные кресты, первоначально устанавливаемые на месте захоронения православных путников, нашедших свой конец вдали от поселений с их кладбищами. Встречая такой крест, очередной путешественник крестился на него и чувствовал при этом нечто, объединяющее его самого, это место и православную русскую цивилизацию. Подобное чувство культурной общности с окружающим миром и своим народом было необходимо для, как бы мы сейчас сказали, самоидентификации, осмысления себя самого и своего положения в системе смыслов всего мироздания. Стоит вспомнить, как Пушкин хотел продолжить это стихотворение (оно осталось незаконченным):

Животворящая святыня!
Земля была без них мертва
Как пустыня
И как алтарь без божества

Животворящая святыня – лучше не скажешь. Для любого народа земля, лишённая его святынь, – мертва. Чуждая ему духовно, она лежит за пределами культурного пространства данного народа, вне его национальной культуры.

Сегодня налицо кризис национальных культур.

С одной стороны, это – следствие естественной глобализации человечества. Современный мир легко преодолевает расстояния. Радищев мог себе позволить назвать книгу «Путешествием из Петербурга в Москву». В его время, в концеXVIII-го века, на это уходило от недели до 10-ти дней. Сибирский губернатор добирался до места своей службы почти месяц. Корабли, откомандированные в акваторию Тихого океана, достигали восточного побережья России спустя год. Однако уже тогда расстояния перестали пугать. Екатерина II искала ямщика, который бы взялся доставить австрийского императора Иосифа в Москву из Петербурга за 36 часов. И ведь нашла! Ямщик, правда, сказал: «Берусь, матушка, доставить немецкого короля в ука-

занный срок. Но не отвечаю, будет ли цела его душа». Сегодня человек стремительно перемещается по всему земному шару практически с минимальным риском для жизни.

Ещё важнее, что по миру перемещается информация. Возникновение радио послужило началом принципиально новой эпохи. Ранее, для того, чтобы обеспечить себе доступ к информации, необходимо было затратить время на поиски её источника – иногда весьма значительное. Многие из нас ещё помнят, насколько сложно было найти нужную тебе книгу. Радио реализовало иной подход. Имея приёмник, ты всегда можешь подключиться к информационной среде. Информация перестала отождествляться с вещью (её носителем), появилось понятие информационной среды как некоего хранилища, из которого в любой момент можно получить необходимую информацию. Интернет воплотил эту идею в полной мере.

В процессе формирования глобальной информационной среды в неё вошли элементы различных культур. Возникло небывалое в истории человечества смешение культурных контекстов. Национальные культуры утратили автономность, – воздействие чужеродных представлений, понятий, символических систем столь велико, что защитные механизмы национальных культур перестали справляться. В настоящее время стоит говорить даже не только о потере автономности, но и о демонтаже национальных культур. На их месте возникает глобальное культурное пространство, представляющее собою набор элементов различного происхождения, порою даже не связанных между собою в систему, а существующих в виде параллельных смысловых рядов.

Подобное образование по своей природе акультурно: все привычные для человечества культурные механизмы были устроены иначе. Они предлагали человеку смыслы, каждый из которых определялся положением некоего элемента в общей системе. Благодаря им, человек находил собственное место в мироздании и через это обретал осмысленность своего существования. Глобальная культура (а вернее – пост-культура, поскольку это нечто пришло именно на смене культуре как таковой) предлагает человеку выбрать любые смыслы по своему вкусу. Как в магазине – не случайно же появились супермаркеты, где можно купить, что угодно; они построены в соответствии с пост-культурной матрицей, где всё сопутствует всему.

Подобное нарушение взаимосвязей приводит к обессмысливанию. Мы сталкиваемся с всеобщей утратой ценностей. Ценность перестаёт быть абсолютной, т.е. ценной самой по себе. Ценность чего бы то ни было теперь назначается потребителем этой ценности. Она определяется тем, что человек выбрал её из множества параллельных альтернатив. До того, как выбор состоялся, все ценности были равнозначны. То есть, по существу, выбор случаен, и потому слишком серьёзно относиться к нему не стоит. Это просто такая игра.

Но игра – не подлинная реальность. Игрок понимает, что его действия во многом условны. Он не растворяется в «здесь и сейчас», а сохраняет отстранённое и даже критическое отношение к происходящему. Иными словами, человек (а вернеehomo ludens – «человек играющий») не может назвать игровой контекст по-настоящему своим. Но ведь другого-то контекста у него нет! Глобальная пост-культура – всеобъемлющая, предлагая нам множественные варианты внутри себя, альтернатив по отношению к самой себе она уже не допускает.

Пост-культура, занимая место традиционной культуры, лишь имитирует её функции. Культура преодолевала разрыв между индивидуальным духовным миром человека и объективной социальной реальностью, создавая единое символическое (смысловое) пространство для всех причастных к данной культуре. Пост-культура разрыва не преодолевает; вовлечения человека в конкретную семантическую систему не происходит. Человек остаётся вне социума. Его метафизическое одиночество резко обостряется, что приводит к росту числа психических заболеваний и самоубийств. Социум же стремительно деградирует. Первыми утрачиваются наиболее «чистые» семантические связи, то есть объединения людей на основании общих идей и представлений, а не деятельности. Люди теряют способность договариваться друг с другом, каждый остаётся при своём мнении. Идеи перестают быть массовыми. Процесс идёт в направ-

лении, где в пределе – мир, в котором любая идея способна существовать в голове лишь одного человека. Рано или поздно это начнёт сказываться и на совместной деятельности. Люди потеряют возможность работать сообща, делать вместе единое дело, что грозит нам серьёзными и небывалыми потрясениями. Человечество рискует перестать быть тем, чем оно до сих пор являлось.

Как уже было сказано, с одной стороны, это – естественный процесс, корни которого в современных технических решениях. Однако есть и другая сторона. Прежде, чем развитие культуры устремилось по пути всеобщего смешения, в одной из региональных культур была сформирована вполне определённая система ценностей, в соответствии с которой произвольность личного выбора стала интерпретироваться как благо. Несложно догадаться, что речь идёт о европейской культуре и сложившемся в ней культе автономности человека. Я специально ухожу от привычного клише «личной свободы», потому как свобода личного выбора – это дар Божий. Но если человек традиционного общества реализует свою свободу в рамках своей традиции, развившаяся в Европе культурная патология объявила подлинно свободной личностью лишь ту, что противопоставляет себя традиции. Из этого культурного корня и выросла современная пост-культура.

В настоящее время пост-культура расплавила ткани традиционных культур настолько сильно, что есть вероятность, что процесс принял необратимый характер. Уцелевшие осколки культурного пространства связаны с религиозностью человека. Живая вера неизбежно порождает систему смыслов, образующую целостную культурную традицию. Более всех к этому способна истинная вера, дающая человеку возможность прибегать к помощи самого Бога. Поэтому именно Православие наиболее последовательно противостоит разлагающему влиянию пост-культуры. К сожалению, духовное богатство Православия не спасает нас, православных, от втягивания в пост-культурное пространство. Это не означает кризиса нашей веры, но мы, поддаваясь духу эпохи, сами становимся всё меньше причастными культурной среде Православия, пересекаясь с ней, порою, лишь на территории храмов и то, часто не совпадая с ней полностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.